

Вэй Тяньюй вдруг всё понял и тут же кивнул: «Понял. Не беспокойтесь, мадам, я поговорю с Сяо Цю, чтобы он не горячился и ни в коем случае не создавал вам проблем».

Эйлин наконец улыбнулась: «Муша, спасибо тебе».

«Не стоит благодарности», — вежливо склонил голову Вэй Тяньюй. «Это моя обязанность».

Эйлин внезапно вспомнила и с недоумением спросила: «Муша, как Сяо Цю узнал, что Ло Миня похитил Кан Мин?»

Вэй Тяньюй тут же улыбнулся: «Когда с Минем случилась беда, его связали, но он всё же успел незаметно нажать кнопку на телефоне. Я услышал звонок, понял, что происходит, и сразу же позвонил Сяо Цю — пусть спешит на помощь».

«Вот как, — кивнула Эйлин. — Хорошо, что ты среагировал быстро, да и Сяо Цю не подвёл. Хе-хе, не зря вас зовут «Дух и Призрак». — Она улыбнулась. — И слава богу, а то если бы Кан Мин сначала изнасиловал, потом убил и бросил тело в горах, Чжоу Юй наверняка привёл бы всё общество «Жиюз» в «Золотой полумесяц» на расправу».

Вэй Тяньюй тоже с облегчением вздохнул: «Да, даже думать об этом страшно».

В этот момент дверь ванной открылась, и вышел Лин Цзыхань.

Эйлин взглянула на стоящего перед ней человека.

Только что вымывшись, он слегка порозовел, а кожа под чёрной одеждой казалась почти прозрачной. Тело в свободной рубашке выглядело худым, даже хрупким, но она уже не могла так думать, вспомнив его обнажённый торс, мелькнувший среди кровавого хаоса в пещере.

Этот человек был настоящим ангелом ада.

Она пристально смотрела на него, а через мгновение улыбнулась: «Вы, наверное, устали. Сегодня лучше отдохните, а дела обсудим завтра. Но ужинать всё же нужно — я уже распорядилась подать еду. Спуститесь, перекусите».

Вэй Тяньюй тут же вежливо поклонился: «Благодарю вас, мадам».

Лин Цзыхань молчал, не проронив ни слова.

Эйлин кивнула им и грациозно удалилась.

Вэй Тяньюй посмотрел на Лин Цзыханя и мягко сказал: «Ты целый день ничего не ел, давай поедим».

Лин Цзыхань с мрачным лицом развернулся и спустился в столовую.

На этот раз хозяев не было — лишь несколько слуг расставляли приборы. Увидев его, управляющий улыбнулся: «Сегодня четвёртая мадам сама готовила для вас, надеюсь, господин останется доволен».

Лин Цзыхань слегка приподнял бровь. Четвёртая мадам — четвёртая жена Гусмана. Он не ожидал, что она станет лично готовить для них. «Передайте, пожалуйста, нашей благодарности мадам», — невольно вырвалось у него.

«Хорошо», — поклонился управляющий. «Приятного аппетита».

Слуги вышли.

Здесь за обедом прислуга не стояла над душой, больше походило на ресторан: блюда подавали, изредка меняли посуду и убирали со стола, а в остальное время оставляли гостей в покое, чтобы те не чувствовали себя скованно.

Лин Цзыхань сидел за столом и медленно ел.

На столе были аутентичные китайские блюда — поровну мясных и овощных, явно приготовленные специально для него и Вэй Тяньюя. Он попробовал незнакомую зелень — выглядела просто, но на вкус оказалась прекрасной, в лучших традициях кухни Хуайян: лёгкая, с лёгкой сладинкой. Не говоря ни слова, он взял чашку и принялся есть с аппетитом.

Вскоре спустился и Вэй Тяньюй.

Они не разговаривали, просто молча ели — оба явно были не в духе.

Когда они почти закончили, из двери донёсся знакомый приятный аромат — тот самый сладкий и свежий запах JOY, который они почувляли ещё по прибытии.

Затем перед ними возникла изящная фигура.

Они подняли глаза.

Перед ними стояла настоящая китайская красавица классического типа: платье от Chanel, украшения от Tiffany, белоснежное овальное лицо, длинные чёрные волосы, нежно-розовые губы — вся она дышала мягкостью. Возраст угадать было трудно, на вид лет тридцать.

Оба мужчины, всегда учтивые с дамами, тут же встали.

Позади женщины возник управляющий и почтительно произнёс: «Господа, позвольте представить — четвёртая мадам».

Вэй Тяньюй немедленно склонился: «Мадам, благодарю вас. Блюда были восхитительны».

Женщина мягко улыбнулась и тихо сказала: «Не стоит благодарности, главное, что вам понравилось». Голос у неё был нежным и мелодичным — полная противоположность яркой Эйлин.

Вэй Тяньюй и Лин Цзыхань не знали, что сказать дальше, и просто стояли, ожидая продолжения.

Она ласково улыбнулась: «Генерал очень сожалеет о случившемся сегодня. Я мало чем могу помочь — разве что приготовить немного еды. Надеюсь, это хоть немного улучшит ваше настроение».

Вэй Тяньюй тут же скромно улыбнулся: «Мадам, вы слишком любезны. Происшествие не имеет отношения к генералу, и мы ни в коем случае не виним его. Пожалуйста, передайте ему, чтобы он не беспокоился».

«Нет, это мы должны просить у вас прощения», — мягко возразила женщина, не переставая улыбаться. «Тогда не стану вас больше задерживать. Отдыхайте, господа».

«Конечно, мадам. Всего доброго», — с истинно джентльменской учтивостью проводил её до двери Вэй Тяньюй, после чего вернулся.

Лин Цзыхань ничего не сказал. Он сел, допил суп и поднялся наверх — продолжать дежурить у постели Ло Миня.

Вэй Тяньюй поблагодарил управляющего и последовал за ним.

Состояние Ло Миня стабилизировалось: переливание крови и капельницы закончились, кислородную маску сняли. Он лежал спокойно, казался безмятежным.

Медсёстры уже ушли. В комнате остались лишь они трое.

Лин Цзыхань вдруг спросил Вэй Тяньюя: «Ты умеешь утешать?»

Вэй Тяньюй вздрогнул, вспомнив о травмах Ло Миня — особенно о том, что врач упомянул сексуальное насилие. Он с досадой почесал затылок: «Нет, лучше ты».

В группе «Охотники» лишь Ло Хань и Солан Чжома были экспертами в психологии и переговорах. Остальные являлись мастерами действий, искусно владели тактикой психологического давления на врагов, но никогда не умели утешать своих. Кровь, раны — всё это было для них обычным делом, не требующим особых слов. Вылечиться — вот что главное. Даже перенесённые мучения не считались чем-то из ряда вон выходящим — выжил, и уже победа.

Но сейчас Ло Минь в их глазах был обычным сотрудником, скорее всего, не обладающим такой же закалкой. Оба чувствовали сострадание, но не знали, с чего начать.

Спустя некоторое время Лин Цзыхань тихо сказал Вэй Тяньюю: «Иди спать. Завтра работа. Я здесь посижу. Когда очнётся, попробую его утешить — посмотрим, поможет ли».

Вэй Тяньюй улыбнулся и кивнул.

В их группе Лин Цзыхань был младшим, ему всего девятнадцать. Но с самого начала он вёл себя как взрослый, и никто никогда не относился к нему как к ребёнку. Перед всеми он всегда был как старший брат — заботился о других, никогда не думал о себе. Поэтому все любили называть его «шефом» и в душе действительно считали «старшим братом».

Размышляя об этом, он положил руку на плечо Лин Цзыханя, тепло сжал его и вышел.

Лин Цзыхань выключил основной свет, оставив лишь маленькую лампу у изголовья, и сел в кресло, тихо находясь рядом с Ло Минем. Чтобы слышать, что происходит вокруг, он не стал задергивать шторы.

Луны той ночью не было, но свет из сада проникал в комнату, отбрасывая на стены и потолок мягкие тени. Изредка под окном кто-то тихо проходил — шаги едва слышались, постепенно затихая вдали, лишь подчёркивая ночную тишину.

Около полуночи Ло Минь внезапно открыл глаза.

Лин Цзыхань тут же наклонился вперёд и мягко спросил: «Минь, как себя чувствуешь?»

Ло Минь ощущал головокружение, боль во всём теле была отчётлива и ясна. Услышав вопрос Лин Цзыханя и увидев вместо грубого каменного свода пещеры изысканный потолок комнаты,

он горько усмехнулся и слабо произнёс: «Последние два года жил слишком вольготно... терпеть боль разучился».

Лин Цзыхань тихо ответил: «Боль — она и есть боль. Сколько ни терпи — она никуда не денется. От твоей воли это не зависит».

<http://bllate.org/book/16287/1468026>